

норусизма *причина* способствовала, несомненно, полисемия славянизма *вина*. Синонимичность слов *вина* и *причина* в значении 'causa' в XVII в. могла повлечь за собою их полную идентификацию, т. е. они могли восприниматься как абсолютные синонимы, которые могут заменять друг другом в обоих значениях. Таким образом, полисемия слова *причина* у Котошихина объясняется калькированием семантической структуры его церковнославянского эквивалента.

В своих лексикологических комментариях автор ограничивается рассмотрением тех заимствований, для которых сочинение Котошихина является хронологически первым или относительно ранним источником. В группе новых для времени Котошихина заимствований анализируется ок. 50 слов (с. 385—396). В связи со словом *чеснок* 'палисад' (с. 386) отметим, что оно встречается также в «Повести о приходе Стефана Батория на Псков» (в форме *чоснок*), что подтверждает мнение о том, что *чеснок* в данном значении представляет собой семантическую кальку с польск. *czosnek*.¹⁵ Переходный глагол *доставать/доставить* 'раздобыть, приобрести' рассматривается (с. 387) — вслед за С. Кохманом¹⁶ — как полонизм XVII в. Однако, слово в этом значении проникает в московский деловой язык уже в конце XV в.; оно отмечается в доконечальной грамоте Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты доставати своего отчства Великого Княжства Киевскаго [. . .]»;¹⁷ ср. у Котошихина: «[Димитрий] достал Московское гедрство под свое владѣнье» (л. Зоб, с. 17).

В рамках настоящей рецензии мы не могли остановиться на всех достоинствах книги А. Пеннингтон. Хотелось бы все-таки подчеркнуть, что книга эта будет служить надежным ориентиром не только в области исторической лексикологии, но во всех областях истории русского языка. Богатому содержанию книги соответствует прекрасное типографическое оформление.

А. Золтан

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. Издательство Московского университета, Москва 1981, 776 с.

С выходом в свет написанной почти двести лет назад, но оставшейся до сих пор в рукописи «Российской грамматики» А. А. Барсова (1730—1791), стало доступным широкому кругу исследователей самое полное описание русского языка XVIII в. Если учесть, что А. А. Барсов, занимавший кафедру словесности («красноречия») Московского университета в течение тридцати лет (1761—1791 гг.), был учеником В. К. Тредиаковского, а потом

¹⁵ G. STRICKER, *Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum Moskowitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts* (Slavistische Beiträge 127). München 1979, 192. Другую точку зрения см. в указанной работе Б. А. Успенского и В. М. Живова, которые возводят данное значение русск. *чеснок* к праславянскому.

¹⁶ S. KOCHMAN, *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1967, 106.

¹⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, Сношения с Государствами Европейскими, т. I, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург 1851, 39. Данный текст был создан, по-видимому, при участии выходцев из Литовской Руси, ср. дальше: «а будеть нам *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ [. . .]» (там же). Другие ранние примеры см. Словарь русского языка XI—XVII вв., 4. Москва 1977, 333—334. — Ср. др.-польск. *dostawać/dostać* (*czego*) 'acquirere' (Słownik staropolski II, Warszawa 1956—1959, 144—145); *dostawać/dostać* (*czego/co*) 'to же' (Słownik polszczyzny XVI wieku, V. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1971, 418—427, 443—449).

учителем Н. М. Карамзина, то значение его грамматики и выраженных в ней взглядов на русский язык нельзя переоценить.

Недавно Б. А. Успенским была обнаружена и опубликована первая русская грамматика, написанная на русском языке: созданный в 1738—1740 гг. труд В. Е. Адодурова, тесно сотрудничавшего с В. К. Тредиаковским.¹ Вместе с «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова 1755 [1757] г., доступной исследователям в серьезных современных изданиях,² с опубликованием грамматики А. А. Барсова, написанной в 1783—1788 гг., вырисовывается перед нами более полно образ становления норм, процесс кодификации русского литературного языка.

Рецензируемое издание открывается обстоятельной и весьма содержательной вступительной статьей (названной скромно «Предисловием», с. 3—30) профессора Московского университета Бориса Андреевича Успенского, автора ряда новаторских работ по истории русского литературного языка.³ В «Предисловии» освещается история создания Грамматики Барсова, дальнейшая судьба ее списков, прослеживается ее влияние на лингвистические взгляды современников и последующих поколений русских лингвистов, дается оценка лингвистической концепции Барсова, приводится обзор научной литературы, посвященной Грамматике.

Как становится ясным из приведенных Б. А. Успенским фактов, Грамматика Барсова несмотря на то, что она не была опубликована в свою эпоху, не осталась незамеченной современниками; ее рукопись была использована при составлении первой академической грамматики русского языка; она была известна Ф. И. Буслаеву и, вероятно, также Ф. Ф. Фортунатову; в более новое время ей был посвящен ряд специальных исследований как советских (В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, М. В. Панов), так и иностранных (Л. Ньюман, Дж. Кларк) лингвистов, среди них также диссертация М. П. Толобовой, подготовившей текст Грамматики Барсова для рецензируемого издания.⁴ Лингвистические взгляды А. А. Барсова Б. А. Успенский характеризует как пионерские, предвосхищающие многие идеи языкознания XX в. Вместе с тем, по словам Б. А. Успенского, «грамматика Барсова — ценнейший и уникальный источник по истории русского литературного языка второй половины XVIII в. Стилистические характеристики Барсова очень детальны и всегда достоверны; они представляют непосредственный интерес как для историка литературного языка, так и для историка литературы. Труд Барсова может служить незаменимым подспорьем при интерпретации литературных текстов данного периода» (с. 8). Автор предисловия подробно останавливается на влиянии Барсова на языковую программу Н. М. Карамзина. Взгляды Барсова на языковые вопросы сформировались

¹ Б. А. Успенский, Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики). Москва 1975.

² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений 7. Москва — Ленинград 1952, 389—578.

³ См. напр. Б. А. Успенский, Архаическая система церковнославянского произношения. Москва 1968; *его же*, Из истории русских канонических имен. Москва 1969; *его же*, Никоновская справа и русский литературный язык: Вопросы языкознания 1969, 5: 80—103; *его же*, Древнерусские кондакари как фонетический источник: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва 1973, 314—344; *его же*, Доломоносовский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский: Вопросы языкознания 1974, 2: 15—30; Ю. Лотман и Б. Успенский, Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьба российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва): Учение записки Тартуского государственного университета, вып. 358. Труды по русской и славянской филологии XXIV. Тарту 1975, 168—322; Б. А. Успенский, К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка: Wiener slavistisches Jahrbuch 22 (1976) 92—100; *его же*, Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Москва 1983.

⁴ Библиографию см. с. 5—6 (сноски 8—17) рецензируемой книги.

под влиянием молодого В. К. Третьяковского и В. Е. Адодурова, а впоследствии Барсов оказал в свою очередь большое влияние на языковую программу Карамзина. Таким образом лингвистические взгляды Барсова, изложенные в его «Российской грамматике», могут рассматриваться как один из важнейших источников языковой концепции Карамзина, связывающий в то же время концепцию Карамзина с языковой программой молодого Третьяковского и Адодурова. Сущность языковой программы Карамзина и карамзинистов, восходящей через посредство Барсова к Адодурову и Третьяковскому, характеризуется Б. А. Успенским следующим образом: «... языковая программа карамзинистов обнаруживает несомненное сходство с языковой программой Адодурова и молодого Третьяковского: в обоих случаях речь идет, в сущности, о перенесении на русскую почву западноевропейской языковой ситуации, т. е. о стремлении создать здесь литературный язык того же типа, что западноевропейские литературные языки; это, в свою очередь, предполагает сближение литературного языка с разговорной речью, т. е. принципиальную установку на естественное речевое употребление (*usus loquendi*), а не на искусственные книжные нормы (*usus scribendi*) и соответственно отказ от специфических книжных элементов, поскольку они осмысляются как таковые, иначе говоря, от славянизмов, неупотребительных в разговорном общении и возможных лишь в письменном тексте, (понятие славянизм приобретает при этом чисто функциональный смысл)» (с. 15).

Вступительная статья Б. А. Успенского изобилует также интересными историко-культурными данными. Здесь укажем лишь на одно из них. Грамматика Барсова была написана «по заказу» Комиссии об учреждении народных училищ, созданной в 1782 г. Екатериной II с целью учреждения в России общеобразовательных школ по образцу системы народного образования, разработанной в Австрии (и введенной также в Венгрии) при Марии Терезии.⁵ В качестве консультанта был даже приглашен из Габсбургской империи заслуженный деятель народного образования в Банате (управляемом в этот период непосредственно из Вены), серб Ф. И. Янкович де Мириево (Teodor Janković Mirijevski, 1747—1814), изучавший в 1776—1777 гг. педагогические методы И. И. Фельбигера под руководством самого автора австрийского Школьного устава в «образцовой школе» («Normalschule») им. св. Анны в Вене и переработавший для нужд православных сербских школ Баната методологическое руководство Фельбигера.⁶ Задача Барсова по существу заключалась в составлении школьной грамматики русского языка по образцу австрийских учебников немецкого языка. Однако Барсов «перевыполнил» свое поручение и создал оригинальный труд по грамматике русского языка, выходящий далеко за рамки учебника для общеобразовательных школ (что, собственно говоря, и послужило причиной отказа Комиссии от напечатания его сочинения).

Окончательный вариант рукописной грамматики Барсова, к сожалению, не сохранился. В издании текст грамматики воссоздается на основе трех сохранившихся и взаимно дополняющих друг друга списков. Два из них — прижизненные, с собственноручными поправками и приписками А. А. Барсова (Московский список А — Научная библиотека Московского университета, шифр 9Eh11 и Ленинградский список — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, шифр Погод. 2021), а третий — начала

⁵ Школьный устав для Австрии был разработан И. И. Фельбигером, приглашенным из Пруссии (*Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-, Haupt- und Trivialschulen. Wien 1774*); школьный устав для Венгрии был издан в 1777 г. (*Ratio Educationis totiusque rei literariae per Regnum Hungariae et Provincias eidem adnexas. Vindobonae 1777*); о связях этих двух уставов, а также о новых учебниках, введенных в народных училищах в связи с школьным уставом см. исследование П. Кирая: P. KIRÁLY, *Die ersten Schulbücher der Ofner Universitätsdruckerei in sprachlicher und orthographischer Hinsicht: Studia Slavica* 26 (1980) 307—324.

⁶ О деятельности Янковича де Мириево в Австрии и в Банате см. FÉNÁCSZY E., *A magyarországi közköztatás története Mária Terézia korában*, II. Budapest 1902, 312—331.

XIX в. (Московский список Б — Научная библиотека Московского университета, шифр 9Еh11'). Оба московских списка содержат грамматику Барсова почти в полном составе, ленинградский же список дает только раздел «О словопроизводении», но зато в более подробном изложении (для сравнения: московский список А состоит из 421 рукописных страниц, ленинградский список, содержащий только указанный раздел, — из 374 страниц). Это обстоятельство и заставило издателей поместить в публикации все три списка таким образом, что публикуются отдельно московские списки, причем в основу публикации положен список А, а в разночтениях к нему дается список Б (основной текст — список А — с. 37—240, текстологические примечания с разночтениями по списку Б — с. 241—404), а ленинградский список печатается самостоятельно (текст — с. 407—653, текстологические примечания — с. 654—768). Уже сам объем текстологических примечаний по отношению к основному тексту указывает на необычайно большую текстологическую работу, выполненную М. П. Тоболовой при подготовке настоящего издания. Текст Барсова воспроизводится в издании с максимальной точностью как в области графики, так и в области орфографии и пунктуации (единственное упрощение — замена буквы *ѣ* буквой *ѣ*); текстологические примечания выполнены чрезвычайно тщательно, оговариваются все сколько-нибудь существенные особенности оригинала, что и делает рецензируемое издание надежной основой дальнейших исследований.

Образцово выполненная и со вкусом оформленная публикация «Российской грамматики» А. А. Барсова станет настольной книгой всех исследователей истории русского языка, а также историков русской литературы и культуры XVIII в. Следует только сожалеть, что книга вышла очень ограниченным тиражом (всего 7730 экземпляров) и почти в момент ее выхода в свет стала уже библиографической редкостью. В то же время хотелось бы пожелать, чтобы издавалось больше редких и недоступных широкому кругу исследователей памятников русского языка и русского языкознания в таком тщательно подготовленном виде.

А. Золтан

Milorad PAVIĆ, Istorija srpske književnosti klasicizma i predromantizma — klasicizam. Beograd, Nolit, 1979. Biblioteka „Sinteze”.

1. Dugo su istoričari srpske književnosti pokušavali da u njoj uoče pravilnu smenu književnih pravaca, prenoseći evropska merila i zakonitosti „velikih” (razvijenih) evropskih književnosti, na srpsku književnost. Bili su to takozvani periodi „evropeizacije” srpske književnosti.¹ U nečemu su oni i uspeli, odomačili su jedan relativno visok estetski i umetnički nivo književnosti. Takav evropski kriterijum je svakako uveo Bogdan Popović svojom „Antologijom novije srpske lirike” 1911.² Hrabro su znali da odvoje dobro od lošeg, značajno od beznačajnog (pre svega u poeziji, mada je bilo i grešaka), ali njihovi rezultati su slabi ili nikakvi u oblasti periodizacije književnih pravaca, bez čega nema valjanog istraživanja i dobre istorije književnosti, koja je nama preko potrebna. Pokušaj sistematizacije srpske književnosti je, prema sistematizacijama evropskih književnosti, danas to nesumnjivo dobro vidimo, neuspešan. Istini za volju, mi još uvek nemamo bolje istorije srpske književnosti od Skerlićeve, na koju se ovde pre svega mislilo. Još se nije rodio sintetičar njegovog formata, ali dosta slobodno možemo reći da njegova periodizacija prema francusko-nemačkom modelu ima mnogo slabosti. Kao nekakvu

¹ Termin „evropeizacija” upotrebio je Dragiša ŽIVKOVIĆ, Skerlićeva podela nove srpske književnosti na periode. Evropski okviri srpske književnosti, I. Beograd 1970, 351—354.

² Videti imena zastupljenih autora u toj knjizi.